

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СТРУКТУРА ОБРАЗА ЕВГЕНИЯ В ПОЭМЕ А.С. ПУШКИНА «МЕДНЫЙ ВСАДНИК» И ЕЕ ОСМЫСЛЕНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

Rajabova Shaxnoza Suvonovna

G'ijduvon 1-son kasb hunar maktabi rus tili fani o'qituvchisi

Annotatsiya: В статье рассматривается образ Евгения в поэме А.С. Пушкина «Медный всадник» сквозь призму различных точек зрения исследователей и критиков XIX—XX вв.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Медный всадник», литературная критика, образ, личность, герой, персонаж.

«Медный всадник» является эпохальным творением и занимает особое место в художественном мире Пушкина и общем массиве русской литературы. Повышенный интерес к поэме начинается в XIX веке, продолжается в XX и не ослабевает в новом столетии, оставаясь устойчивой и представительной тенденцией, поскольку смысловой и эстетический потенциал, определяющий феноменальность этого произведения, делает его постоянно актуальным для изучения в различных аспектах»

Образ Евгения в поэме «Медный всадник» очень сложен для изучения. Характерное высказывание об этом герое принадлежит А.В. Дружинину: «Несмотря на благоговение к памяти Александра Сергеевича, мы смело упрекаем его Евгения в бесцветности» [8. С. 76]. Современная наука расширяет смысловые возможности, заложенные в характере Евгения автором. Прежде всего необходимо рассматривать его в контексте всей образной структуры поэмы. Наблюдения О.И. Федотова над ритмической структурой текста поэмы показывают, что в ней «особенно контрастны темы Евгения и Петра — двух главных антагонистов поэмы» [21. С. 103].

Эти герои воплощают в поэме Пушкина два противоположных начала: незначительной личности и власти.

В пушкинском замысле масштабом своей личности этот герой должен был соответствовать масштабу «строителя чудотворного», и в целом — масштабу поэмы, в которой возник образ России. Следовательно, Евгений не мог быть только малым, слабым, ничтожным, убогим.

Огромная смысловая нагрузка, лежащая на образе Евгения, отражена в структуре поэмы и своеобразии ее композиции. Ю. Тынянов заметил, что в ней изменено положение главного и, по его выражению, «второстепенного» героя. Хотя в произведении должен главенствовать Пётр, что закреплено названием «Медный всадник», «главный герой... вынесен за скобки: он дан во вступлении, а затем сквозь призму второстепенного» [19. С. 454]. Именно «второстепенный» герой становится в центр сюжетного действия поэмы, и именно с ним, а не с «главным» связана ее гуманистическая концепция. Свое произведение Пушкин с полным основанием мог бы назвать «Бедный Евгений». Называя поэму «Медный всадник», поэт в лице Петра подчеркивал первопричину всех событий, происходящих в произведении, включая гибель «второстепенного» героя.

Все художественные смыслы поэмы соотносятся с образом Евгения. Композиция поэмы выстроена таким образом, что сюжетные перипетии связаны с судьбой «бедного Евгения», а Медный всадник предстает своей зловещей сутью и как объект осмысления, и как преследователь. Упоминание о похоронах Евгения является заключительной сценой поэмы. Свое произведение Пушкин заканчивает на трагической ноте, поскольку обманчиво «маленький человек» укрупняется им до размера главной ценности мира.

Литературоведы видели в «Медном всаднике» и апофеоз Петра, утверждение его исторической правды над частной судьбой, и рассматривали в поэме обе правды, государственную и человеческую, как равновеликие в авторском понимании.

Пушкинская концепция в поэме выстраивается несколько иначе, прямо противореча ее стандартным интерпретациям. Противоречит она и тем толкованиям, в которых Евгений осмысливается как человек толпы, ординарный и приземленный, воплощающий в себе тип обывательского сознания и вызывающий сочувствие автора.

В обзорах работ по «Медному всаднику», которые содержатся в книгах Г. Макаровской и Ю. Борева, хорошо виден общий контекст осмысления героя Пушкина. Исследователями отмечен противоречивый, непоследовательный, сложный характер парадигмы научного осмысления «Медного всадника». Эту ее особенность так сформулировала Г. Макаровская: «Пушкина то объявляли примирившимся с существующим положением вещей мудрецом, превознесшим принцип государственности, то видели в нем пророка грядущих мятежей и неизбежной гибели самодержавия; его то считали певцом Петра,

признавшим безусловное превосходство национального над личным, то подходили к нему как к гуманисту, усомнившемуся в величии Петра перед фактом гибели невинного человека» [11. С. 5].

Одной из широко принятых точек зрения было противопоставление «сверх-личного» Петра «личной» и, следовательно, менее значительной судьбе Евгения.

Преклонение перед государственными деяниями царя, признание его правоты и со-страдание его жертве впервые встречается у В.Г. Белинского: «Мы понимаем... что не произвол, а разумная воля олицетворены в этом Медном всаднике... И сми-ренным сердцем признаем мы торжество общего над частным, не отказываясь от нашего сочувствия к страданию этого частного» [4. С. 404]. Двойственная позиция критика во многом легла в основу сложившейся парадигмы истолкова-ния пушкинской поэмы.

На протяжении многих лет широко распространенным становится государ-ственно-классицистический аспект этой парадигмы. Одним из первых истолко-вателей смысла поэмы в подобном свете был Д.С. Мережковский. Единственным ее героем он считал Медного всадника, обладающего исторической правотой. Ев-гений же объявлялся жертвой, не заслуживающей сострадания. «Воля героя, — писал он, — умчит и пожрет его, вместе с его малой любовью, его малым сча-стьем... Не для того ли рождаются бесчисленные, равные, лишние, чтобы по кос-тям их великие избранные шли к своим целям? Пусть же гибнущий покорится тому, «чьей волей роковой под морем город основался» [13. С. 143]. В отличие от позиции Белинского у Мережковского мы видим своего рода «безжалостность» к жертве из-за ее абсолютной незначительности.

Таким образом, сложилось представление, что сам Пушкин осуждает мелкого чиновника, созданного им, за «бескрылость», стремление отстраниться от великого в своем личном мирке и еще имеющего дерзость бунтовать. После революции идея отвержения Евгения самим автором поэмы за его привязанность к личным инте-ресам в ущерб общим, государственным, стала достоянием работ многих извест-ных пушкинистов — Д. Благого, Л. Гроссмана, Г. Гуковского.

Истолкование образа Евгения в гуманистическом ключе в пушкиноведении связано прежде всего с именем В. Брюсова, который видел «в образах Евгения и Петра символы двух начал... олицетворения двух крайностей: высшей челове-ческой мощи и предельного человеческого

ничтожества» [6. С. 49]. Гуманизм Брюсова проявлялся в том, что в его представлении Пушкин в поэме воспекает свободу. В споре двух крайностей, по мысли Брюсова, автор становится на сторону Евгения, показывая правомерный мятеж человеческой души против насилия чужой воли над его судьбой. Именно в мятеже видит исследователь пробуждение Евгения. Бунт в понимании Брюсова становится прозрением героя, а трагическая вина Петра с его великими деяниями в том, что он покусился на человеческую свободу.

Мережковский крайне негативно относился к бунту Евгения и требовал от него смирения. Брюсов же считает этот бунт благом и видит в нем связь с идеей свободы и пророчеством грядущих революций. Однако именно он дал самые уничижительные оценки своему «подзащитному», назвав его ничтожным, неумным, неоригинальным, ничем не отличающимся от своих собратьев человеком. Брюсов сближал при этом «малое» и «ничтожное», явно выходя за пределы пушкинского замысла. При таком понимании образа Евгения получалось, что он поднимает мятеж, за которым стоит только ничтожество, доведенное до отчаяния.

Гуманистическая концепция поэмы, связанная с именами Л. Тимофеева, Б. Томашевского, А. Македонова, Г. Макогоненко, Ю. Борева, П. Мезенцева, М. Харлапа, А. Архангельского, Б. Мейлаха, Н. Сысоевой, С. Фомичёва, Ю. Лотмана и др., оправдывала протест Евгения против власти, нередко называя его героическим, видя в бунте высшую точку эволюции этого образа.

Сочувствие Пушкина своему герою у представителей этой концепции сомнений не вызывало. Однако при этом его осмысление оказалось в русле темы «маленького человека».

На «ничтожество» Евгения указывал Брюсов. Он говорил о пунктирности образа, отсутствии биографической, бытовой и психологической детализации. Споря с Брюсовым, Н. Анциферов полагал, что «стирая все эти бытовые черты, Пушкин придает своему герою все более и более отвлеченный, призрачный характер, который соответствует требованиям мифа» [2. С. 62]. Это замечание исследователя стало одной из первых попыток определения художественного типа, воплощенного в Евгении, вокруг чего и возникла полемика.

Б.В. Томашевский заметил умолчание как специфический прием авторской недоговоренности в обрисовке личности Евгения. Безликость героя в концепции ученого предстает как способ обобщения на основе достаточно выразительных и конкретных деталей пушкинского описания. По мнению Б.В.

Томашевского, ав-тор изображает в герое только те черты, которые делают его воплощением судьбы и участи многих.

Определить типическое начало в пушкинском герое стремился и Б.С. Мейлах. «Евгений — персонаж, изображенный с присущим ему образом мыслей и характером, — констатировал он, — и в то же время — это тип, представляющий многих человек, о которых сказано, что их „тьма в Петербурге“» [12. С. 98]. Это пред-ставление исследователя продолжало неизбежную постановку проблемы худо-жественного типа «второго» героя в «Медном всаднике».

Идея о превращении автором своего персонажа в заурядного человека толпы открывает возможность символического укрупнения образа мелкого чиновника, вырастающего в некий сверхтип — аналог символической фигуры «Медного всад-ника». На этом противоречии и строится сюжет поэмы.

Сущность сверхтипа в том, что Евгений становится олицетворением массы, воплощением несчастных и обездоленных людей, и в момент мятежной вспышки пусть на мгновение уравнивается с Петром. Перед этим возвышение героя про-исходит тогда, когда среди бушующих волн он сидит на «звере мраморном вер-хом» и в этом положении оказывается подобием великана, Петра и отчасти урав-нивается с ним в масштабах.

Целый ряд исследований о поэме связан с амбивалентной интерпретацией об-раза Евгения. Двойственность оценок была заложена в самом главном сюжетном персонаже. У Мережковского «дрожащая тварь» одновременно оказывается рав-новеликой герою Петру: «Кто сильнее, кто победит? Нигде в русской литературе два мировых начала не сходились в таком страшном столкновении» [13. С. 144].

У Брюсова Евгений — «...это соперник „грозного царя“, о котором можно гово-рять тем же языком, что и о Петре» [6. С. 47].

Другая сторона амбивалентности пушкинского персонажа связана с тем, что исследователи наряду с «малостью», безликостью начинали видеть его челове-ские достоинства и их подлинную высоту в ряде сюжетных ситуаций. Двойствен-ность оценки героя свойственна Б.С. Мейлаху: «Образ Евгения из „Медного всад-ника“, безусловно, самый сложный и „положительный“ из всех образов „малень-ких людей“, созданных Пушкиным. Лишь Евгений оказывается достойным не только сочувствия и соболезнования, но в определенный момент вызывает восхищение» [12. С. 101]. Ученый, с одной стороны, отмечает ограниченность чиновника, крайнюю узость его жизненных

целей, с другой — считает Евгения личностью, человеком высоких нравственных качеств. «Нравственные понятия Евгения безупречны и благородны, они выработаны „В волнении разных размышлений“, он думает о том, как доставить себе „и независимость, и честь“, он для этого „трудиться день и ночь готов“. Это и личность самоотверженная; когда пришла катастрофа, он „страшился, бедный, Не за себя“» [12. С. 102]. При этом в бунте «маленького человека» Б.С. Мейлах видит героическое начало.

Наиболее близко к истинному пониманию персонажа подходили те исследователи, которые смогли увидеть системный характер его достоинств, относительность «малости», отсутствие в тексте поэмы семантики ничтожества и безликости героя, а также его масштаб, делающий героя сопоставимым с образом Петра — Медного всадника не только в сцене бунта и угрозы. Несмотря на большое количество спорных вопросов, исследования в подобном русле несли в себе позитивную тенденцию осмысления главного конфликта, воплощающегося в противостоянии двух фигур. Одним из первых важных шагов на пути к постижению Евгения как значительного и цельного образа сделал Андрей Платонов в статье «Пушкин — наш товарищ» в 1937 г. в журнале «Литературный критик». Погружаясь в смыслы «Медного всадника», Платонов шел по пути его создателя, вступившего своим произведением в диалог с реальной исторической властью.

В ситуации обострения конфликта между государством (Медный всадник) и личностью (Евгений) статья стала выражением жажды примирения двух начал.

В Евгении Платонов увидел личность. Он усмотрел в бедном чиновнике натуре любви, верности, человечности. «Его душа, тесно-огражденная судьбою и общественным положением, могла отдать всю свою силу лишь в любовь к Параше... эта страсть не побеждается даже наводнением и гибелью Параша, даже Петром Первым, ничем, — человек уничтожается вместе со своей любовью. Это не победа Петра, это — действительно трагедия» [116. С. 26—28].

Платонов был первым, кто осмыслил «Медного всадника» как поэму-трагедию. Платоновская позиция не только снимала государственно-классицистический пафос осмысления повести, преодолевала идею безликости, ничтожества Евгения как «маленького», жалкого человека, возвысившегося до Медного всадника лишь на мгновение в бунте против него. Она подразумевала неповторимость личности героя. Развитие концепции

Платонова можно увидеть в интерпретациях «Мед-ного всадника» И. Белза, Г. Макогоненко, Б. Мейлахом, Б. Бурсовым, а также Д. Граниным, Н. Сысоевой, Г. Зотовым, Ю. Боревым.

В «ничем не примечательном чиновнике» Ю. Борев видит тайну не менее значительную, чем та, что сокрыта в Петре. «Оказывается, — пишет он, — что Евгений — сам целый мир. Да, он — человек маленький, частный, но претендующий на самозначность и самоценность» [5. С. 139]. Исследователь считает, что «в мечтах Евгения много высоких моментов». Безумие героя Ю. Борев называет «высоким» и замечает, «что его мысли от житейского круга впервые восходят к размышлениям о России, о государстве, об олицетворяющем их памятнике...», что в этих размышлениях «бедный безумец» «выходит за рамки обыденного сознания» [5. С. 146—147]. Ученый утверждает, что «многими приемами Пушкин достигает соизмеримости, сочетаемости двух, казалось бы, несопоставимых фигур — «державца полумира» и бедного петербургского чиновника. Убедительно выглядит мысль Ю. Борева о том, что «для Пушкина Евгений и его идея личного счастья — мир, равновеликий Петру I с его державными думами и свершениями» [5. С. 148], что поэтому программы двух героев для Пушкина равновелики.

Современные тенденции в подходах к поэме содержатся в интерпретации, предложенной Н. Сысоевой. По мысли исследователя, для Пушкина как создателя эпической поэмы нового типа «абсолютная мера всех вещей — не государство, не народ, не герой, — а человек» [17. С. 96], и в произведении царит концепция абсолютного гуманизма. Рассматривая поэму в свете ценностей, которые были Пушкину наиболее близки, Н. Сысоева полагает, что поэт создал в ней «новую модель поэтического национального эпоса... осознанное, неколебимо гуманистическое соотношение частного и общего в нем...» [17. С. 97]. Исследователь отталкивается от идеи об одинаковой ценности для Пушкина Петра и Евгения, их одинаковом этическом потенциале, утверждая, что поэт в своем произведении ставит «перед самым великим властителем национальной истории онтологический вопрос о высшей и абсолютной цели их, властителей, деяний, реформ, войн, побед, об их человеческой цене» [17. С. 98].

Пушкин, полагает Н. Сысоева, убежден, что только во имя блага в его христианском понимании для Евгения и Параша великие деяния Петра и жертвы, страдания, национальные победы обретают смысл. Исследователь уходит от пре-словутой идентификации Евгения как «маленького человека». В целом, в

ее под-ходе к «Медному всаднику» заявляет о себе назревшая потребность смены пара-дигмы осмысления сложнейшего произведения русской литературы.

Процесс обновления представлений о герое поэмы отразился в работе Г. Зото-ва, который пишет о том, что судьба Евгения тесно связана с имперской проблема-тикой поэмы, данной в ней исключительно в негативном, античеловеческом ключе и воплощенной в образе Всадника, который олицетворяет имперское начало — одно из проявлений мирового зла. Эта печать, по мысли исследователя, лежит и на его фигуре, поданной Пушкиным с негативными семантиками идола. Развивая традицию осмысления поэмы как трагедии, Г. Зотов вместе с тем так формулирует нравственно-философскую идею поэта: «Всей силой своего дара Пушкин был про-тив безличного — будь то державный истукан, стихия или толпа; был на стороне страдающего человека, чью высшую сущность он первым провозгласил в рус-ской поэзии» [9. С. 45].

Новый подход к образу Евгения отражает точка зрения М. Виролайнен. Спо-соб прочтения поэмы в социальных категориях, по мнению этого исследователя, привел к тому, что ретроспективно пушкинский герой стал восприниматься как первый «маленький человек» русской литературы, открывающий галерею таких персонажей, как Поприщин, Башмачкин, Макар Девушкин, и с этим выводом не-возможно не согласиться. У Пушкина, как справедливо утверждает М. Виролай-нен, социальная характеристика Евгения — только этап в разворачивании неизме-римо более широкой темы. Его герой вовлечен в историческую коллизию, наделен историческим прошлым и трагической виной. При подобном видении открыва-ются реальные перспективы дальнейшего изучения персонажа. Исследователь особо отмечает полную незащищенность Евгения, говорит о его жертвенном пути, значительно расширяя традиционные представления.

Таким образом, в современной науке возникает устойчивая тенденция пере-осмысления образа Евгения как ключевого звена пушкинской художественной концепции в поэме «Медный всадник». «Одна из распространенных точек зре-ния противопоставляла „сверхличного“ Петра „личному“ Евгению, проявлялась тенденция осмыслять его в качестве представителя множества и видеть в нем тип „маленького“ человека. Стремления постичь принципы пушкинской типизации были лишены полноты и цельности. Обманчиво „маленький“ герой оказывался как тип неуловим, не

сводясь ни к одной из предлагаемых схем. Он как бы „разры-вался“ на две половины по линии сопряжения малого, убогого и высокого, героиче-ского. Первым, кто сделал шаг на пути к пониманию Евгения как значительного и цельного образа, был А. Платонов. Наиболее близко к его истинному измере-нию подходили те исследователи, которые смогли увидеть системный характер его достоинств, относительность „малости“, отсутствие в его образе семантики ничтожества и безликости, а также истинный масштаб героя, делающий его сопо-ставимым с образом Петра — Медного всадника не только в сцене бунта. В ра-ботах последних лет изживаются представления о „малости“ Евгения и меняется отношение к его бунту против Петра, самому Петру и его государству» [14. С. 18].

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. — Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949.

[2] *Анциферов Н.П.* Миф о «строителе чудотворном» // Анциферов Н.П. Быль и миф Петер-бурга. — Петроград: Изд-во Брокгауз-Эфрон, 1924. — С. 49—83.

[3] *Архангельский А.Н.* Стихотворная повесть А.С. Пушкина «Медный всадник». — М.: Высшая школа, 1990.

[4] *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. VI. — М.: Худож. лит., 1981.

[5] *Борев Ю.Н.* Искусство интерпретации и оценки: Опыт прочтения «Медного всадника». — М.: Сов. писатель, 1981.

[6] *Брюсов В.Я.* Медный всадник // Собрание сочинений: В 7 т. Т. 7. — М.: Худож. лит., 1975. — С. 30—61.

[7] *Виротайнен М.Н.* «Медный всадник. Петербургская повесть» // Звезда. — 1999. — № 6. — С. 208—219.

[8] *Дружинин А.В.* Литературная критика. — М.: Сов. Россия, 1983. [9] *Зотов Г.* Стихия и кумир. Над страницами «Медного всадника» // Истина и жизнь. — 2004. — № 2. — С. 38—46.

[10] *Лотман Ю.М.* В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. — М.: Про-свещение, 1988.

[11] *Макаровская Г.В.* «Медный всадник». Итоги и проблемы изучения. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978.

[12] *Мейлах Б.С.* Творчество А.С. Пушкина: Развитие художественной системы. — М.: Про-свещение, 1984.

[13] *Мережковский Д.* Пушкин // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX в. — М.: Книга, 1990. — С. 92—160.

[14] *Перзек А.Б.* «Медный всадник» А.С. Пушкина: концептуально-поэтическая инвариантность в русской литературе XX века (1917—1930-е гг): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. — Великий Новгород, 2012.

[15] *Перзек А.Б.* Поэма А.С. Пушкина «Медный всадник» в художественной интерпретации Е. Замятина // Пушкин и Крым: Материалы IX Междунар. науч. конференции: В 2 кн. — Симферополь, Крым. Архив, 2000. Кн. 1. — С. 228—233.

[16] Problems of the effective use of irrigated land in Bukhara region and ways to improve them SNB O Khamidov, D Sh Yavmutov E3S Web of Conferences 431 (01056), EDP Sciences

[17] DEVELOPMENT OF" GREEN ECONOMY" IN THE SECTORS OF THE ECONOMY AND ITS PROSPECTS SN Burxonov Academic research in educational sciences 3 (5), 1332-1337

REFERENCES

1. Sh.M.Mirziyoyev Qonun ustivorligi va inson manfaatlarini ta'minlash-yurt taraqqiyoti va xalq farovonligi garovidir.Toshkent O'zbekiston. 2017 yil.

2. Sh.M.Mirziyoyev Buyuk kelajagimizni mard va olijanob xalqimiz bilan birga quramiz. – T.: “O'zbekiston”, 2017. – 488 b. 3.

3. “XXI asr pedagogikasining dolzarb vazifalari”Xalq ta'limi”, 2007-yil

4. M.Z.Nosirov “Fizik jarayonlarini kompyuterda modellashtirish”Andijon-2022

5. Kamenskiy S.E., Orexov V.P.Fizikadan masalalar yechish metodikasi. “O'qituvchi” nashriyoti.T.:1976.

6. B.L. Farberman. "Progressivniye pedagogicheskiye texnologii" - T. 1999.

7. Problems of the effective use of irrigated land in Bukhara region and ways to improve them SNB O Khamidov, D Sh Yavmutov E3S Web of Conferences 431 (01056), EDP Sciences

8. Development of" Green economy" in the sectors of the economy and its prospects SN Burxonov Academic research in educational sciences 3 (5), 1332-1337

9. U.U.Umarova. Diskret matematika fanida muammoli vaziyatni hal qilish metodi // Science and Education, 2:11 (2021), p. 687-694.

10. <https://lex.uz/docs/-5297046#-5297465>